

10 февраля - день памяти А. С. Пушкина

В канун 160-й поминальной пушкинской годовщины — встреча с писателем Георгием Пряхиным, генеральным директором издательства "Воскресенье", которое выпускает самое полное собрание сочинений русского гения. Беседа о Пушкине, о нынешнем состоянии нашего книгоиздания, о читателях.

Можно сказать абсолютно твердо: изо всех книжных изданий, осуществляемых нынче в нашей стране, это — самое ценное. Не по деньгам. По значению, которое оно имеет для отечественной культуры. А может, даже и более того — для всей жизни нашей, для самосознания и самостояния человека в нечеловеческих условиях. Особенно, русского человека.

Издательство "Воскресенье" выпускает самое полное собрание сочинений Пушкина. Если вспомнить очень точно в свое время сказанное: "Пушкин — это наше все", — излишне, кажется, говорить, что значит в таком уникальном издании весь Пушкин. Без малейших изъятий и искажений, со всеми вариантами, черновиками и планами, отражающими колоссальную работу русского гения. И однако сегодня, в канун 160-летия гибели поэта и в преддверии великой для всего мира даты — 200-летия пушкинского рождения — есть потребность задать несколько вопросов руководителю дела, которое тоже становится историческим.

— Георгий Владимирович, как пришла к вам столь счастливая идея?

— Мы — издательство молодое, начались в конце 1991 года. Естественно, думали и искали, чем о себе заявить. Причем не из бульварщины, которой тогда уже заваливались прилавки и заваливаются до сих пор. Искали нужное людям и вместе с тем духовно достойное.

Первой, как мы говорим, нашей визитной карточкой стал детский журнал "Миша". А потом... Вот потом, вскоре, и вспомнилось то издание, которое мы сейчас по существу воспроизводим. Знаменитое издание Пушкина 1937 года.

— Все-таки, насколько я понимаю, вы не просто воспроизводите его?

— Я сказал: по существу. Мы многое добавляем. Но важно, почему мы обратились именно к тому изданию. Оно действительно знаменитое. Однако знают его как редкость, как раритет! Уверяю вас и готов держать пари на что угодно: ни один человек в России не имеет этого издания полностью. Да что там, даже в Пушкинском доме полного собрания этого нет. Всех двадцати книг нет, я уж не говорю о том, что два тома вообще тогда не вышли.

— Некоторые тома мне в детстве встречались. Фундаментальные, массивные, цвета топленого молока или слоновой кости, они даже видом своим по-особому выделялись из всех других книг и, помню, как-то притягивали. Хотелось бережно взять и осторожно листать...

— У меня тоже связано с ними дорогое воспоминание. Знаете, я рано потерял родителей, и отрочество мое прошло в детском доме, в печально известном ныне Буденновске. Так вот, в нашей интернатской библиотеке я видел несколько этих томов. Они запомнились, конечно, качеством исполнения и своей необыкновенной мощью. У Марины Цветаевой есть такое выражение, что она любила детей своих на вес. Вот этого Пушкина можно любить уже на вес! Не только на слух и в чтении.

— Удивление и восхищение достойно, что такое издание было осуществлено в труднейшее для страны время.

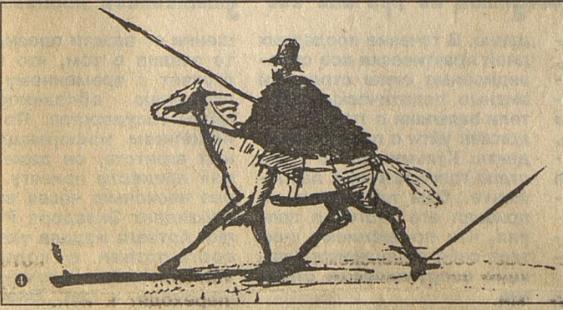
— Да, начало — 1937 год. Тогда человечество отмечало 100-летие со дня смерти Александра Сергеевича. Вы знаете, что русская интеллигенция была расчленена, разбрызгана по всему свету. Торжества к столетию должны были состояться и в Праге, где была большая русская колония, и в Париже, да практически по всему свету. Пушкин, конечно, всеветный писатель, всеветный гений, но в первую очередь для нас, русских и русскоговорящих. Поэтому русские люди, где бы ни были, всегда годовщины и рождения, и смерти Пушкина отмечали как самые памятные, и они становились событиями в духовной и культурной жизни. Так было у нас и в 1937-м.

— О, это стало тогда совершенно необычным событием! Юбилей ведь отмечался повсюду всенародно и, по моему ощущению, зарядил могучим пушкинским духом всю страну на много лет вперед. Я-то был еще маленьким, жил в деревне и самих торжеств, естественно, не помню, но то, что шло от них, — запись чтений и музыкантов, спектаклей и концертов, передававшаяся по радио, фильмы, книги, альбомы, школьные тетради с рисунками на пушкинские темы, — все это, как первые и наиболее яркие жизненные впечатления, определило глубоко эмоциональное, личностное отношение к Пушкину. Он со всем этим вошел в душу — и уже навсегда.

— У истоков мероприятия такого размаха стоял Сталин. Я не сталинист, хотя бы потому, что я сын сосланных, а одна из моих бабок удостоилась даже Соловков. Но это отдельный разговор. Если же продолжать нашу тему, мне кажется, Сталин решил так масштабно провести пушкинские торжества не только для того, чтоб не было стыдно перед всем остальным русским и нерусским миром. В конце 30-х годов он интуитивно предчувствовал да и понимал, какие испытания ждут в ближайшее время Советский Союз, Россию, русских, как становую и государство образующую нацию. И он искал, каким образом нацию можно было бы сплотить, особенно после ре-

ПУШКИН — НАША МОЛИТВА

прессии и наряду с ними. Сплотить перед грядущими испытаниями, во имя отпора врагу. Одной из таких фигур, вокруг которых можно было это сделать, для него являлся Пушкин.

Россия богата великими людьми. Но великие люди в России, как, наверное, и везде, могут и разъединять, и соединять. Так вот, Пушкин, может быть, — величайшая духовная величина, которая объединяла и объединяет Россию.

— То пушкинское издание, предпринятое как наиболее полное академическое, безусловно, вписывалось в эту концепцию.

— Также идея Сталина. Он пристально следил за предельно интенсивной работой, в которую были включены самые авторитетные научные силы страны. Жданов докладывал Сталину, как идет подготовка первого тома, а на заключительном этапе сам стоял над душой у людей в типографии. Видимо, потому, с испугу, в этом томе и оказалось множество всяких опечаток. Однако он вышел 9 февраля — за день до юбилея.

— А как все сложилось дальше?

— Во время войны издание было приостановлено, хотя один или два тома все-таки выпустили. Думаю, во имя тех же высших целей. Тираж, как и всех остальных томов, был весьма невелик, почему они и стали (отчас же!) библиографической редкостью.

— Последний том вышел в 1959-м. Всего, как я уже сказал, 20 книг. У нас будет 22 плюс том справочный. Две книги, не вышедшие тогда, мы создаем заново. Это наш заказ Пушкинскому дому по главе с Николаем Николаевичем Скатовым.

Только что отпечатан один из этих дополнительных томов — "Рисунки Пушкина". Вот он, видите, какой фолиант. В нем более четырехсот рисунков, сделанных пушкинской рукой. Учеными-пушкинистами они систематизированы, идентифицированы, насколько это возможно, и откомментированы. То есть это основательное научное издание. Это, я не побоюсь сказать, подвиг наших пушкинистов. Каталог рисунков даем на четырех языках. А печатали мы книгу в Финляндии — на лучшей бумаге и лучшей полиграфической базе.

— Ну, широкий интерес к этой книге, я думаю, обеспечен.

— По меткому выражению Скатова, пушкинские рисунки — это продолжение его стихотворной строки. А Лотман сказал о них: "Задумчивый отдых гения".

Творческая дума не оставляла Пушкина, по-моему, ни на минуту. Возьмите даже хозяйственные его книги. Пишет в такой книге: то-то туда-то отправить, оттуда столько-то жать, столько вложить, там перезаложить и т. д. И вдруг это заканчивается либо рисунком, либо началом стихотворной

строки. Вспоминаешь Ахматову: "Когда б вы знали, из какого сора растут стихи..."

Следующий наш, так сказать, эскизный том — как раз об этом: "Рукою Пушкина. Заметки нетворческого характера". Это был. Видишь, каким был нелегким быт гения. И видно, что творческие размышления сквозь прозу жизни в поэте все время идут. Река ведь течет как? Настоящая полноводная, глубоководная река — она течет в разных направлениях одновременно. В одном русле, но в разных направлениях. Верховодка — вперед, а донное течение — очень часто назад. И вот позит какие-то хозяйственные дела расписывает, а поэтическое, глубинное клокочет в нем о своем.

— Скажите, Георгий Владимирович, трудно в нынешних условиях осуществлять такое капитальное издание?

— Нас поддержали. Российская Академия наук, Пушкинский дом — им надо сказать самое доброе слово. Правительством с пониманием отнеслось. Комитет по печати подсобил деньгами — не так много, как может быть, мы рассчитывали, но все же выделает. Без этого нам было бы очень туго. А дай-то читателям помогают пресса и другие средства массовой информации. Самых разных направлений. Здесь опять тот случай, когда Пушкин объединяет всех.

— Но по силам ли, по карману людям приобрести нынче эти тома?

— Мы продаем их где-то близко к себестоимости. Когда три года назад вышел первый том и мы продавали его на Пушкинской площади, очередь была больше, чем в "Макдональдс" напротив. Детским домам-интернатам передаем для библиотек бесплатно — нельзя обделять Пушкиным детей, которые и без того всем обделены. Для участников войны делаем скидку чуть ли не в половину.

У нас в стране, это не зря говорится, самый замечательный читатель. Как нигде в мире. Причем читающая Россия сегодня — это, смею вас уверить, небогатая Россия. Может, и везде богатые люди больше считающие, чем читающие. А наш человек во имя хорошей книги, во имя Пушкина готов отдать последнее.

Разговорился я там же, на Пушкинской площади, с одним ветераном. Если память не изменяет, фамилия его Кондров. Спрашиваю: зачем покупаете? Вы знаете, говорит, мы с бабкой люди уже старые, пора думать о вечном. И вот я подумал: что же оставлю внуку? Я оставлю квартиру, он войдет в нее, а там — полный Пушкин!

Не хочу противопоставлять русских, допустим, американцам или кому-то еще, но такое, согласитесь, возможно только в России.

— Согласен. И разве справедливо, что

читатели эти действительно замечательные поставлены сейчас перед дилеммой, перед жутким выбором: хлеб насущный или хлеб духовный? То есть буханка просто для физического выживания или хорошая книга?

— Да, многие поставлены на такую нечеловеческую грань, когда приходится делать этот выбор. И ведь кому продикуван отказ от книги в первую очередь? Как раз тому, кому она, может быть, наиболее необходима, кому и адресовалась.

А почему взрыв преступности, разгул пьянства? Потому что книгу заменили бутылкой! Она, бутылка, всегда стоила у нас намного дороже хлеба и дороже книги. Вспомните: 20 копеек за хлеб и 4 рубля 12 копеек — за водку. Сейчас все перевернулось.

Я считаю, те люди, которые насадили нам бутылку вместо книги, — это преступники. Исторические преступники.

— Какую проблему книгоиздания считаете вы сегодня самой главной?

— Да мы о ней, собственно, и говорили. Нет денег у читателя, стало быть, нет их и у издательства. И надо идти на поводу у покупателя. У которого есть деньги. Я знаю, что это такое. Вы тоже, думаю, знаете. Но, может быть, вам неизвестно, как легко сегодня купить право на любую американскую книжку! Тысяча долларов — только и всего. А есть такие издатель-доброхоты из-за рубежа, которые вам еще и доплатят, чтобы их книга вышла на наш рынок. Так и происходит сегодня, что некоторые книги зарубежные стоят дешевле наших, отечественных, хотя себестоимость их выше. Это доплата идет с той стороны. Нас покупают.

— Отечественная наша культура свергнута сегодня в тяжелейшее, катастрофическое состояние. Конечно, разные звучат оценки, но главное, по-моему, очевидно. В том числе с книгоизданием. И все-таки меня поразили цифры, услышанные недавно от руководителя Ассоциации книгоиздателей Марата Шишгина. Оказывается, в 1990 году у нас вышло 14 книг на душу населения, а теперь — только 3. Тиражи упали в 5 раз!

— Шишгин — человек очень компетентный, он досконально знает положение в книжном деле.

— Иногда говорят: ну общие тиражи резко сократились за счет всяческой идеологизированной продукции, которую все равно никто не читал. Но вот данные Книжной палаты.

Пушкин. В 1984 году (последнем перед "перестройкой") вышло 58 изданий общим тиражом 16 миллионов 205 тысяч экземпляров. В 1994-м — 21 издание, тираж всего 778 тысяч.

Гоголь. В 1984 году — 43 издания тиражом 17 миллионов 519 тысяч. В 1994-м — 13 изданий, тираж 520 тысяч.

И подобная картина — по всем русским классикам, причем сокращение их издания продолжается. А заменяются чем они? Чем завалены в основном книжные прилавки и лотки? Серии типа "Шарм", "Купидон", "Любовный роман" или "Мировой детектив", "Мировой триллер", которые гонят нынче даже авторитетные вроде издательства, — это еще далеко не худшее...

— Книжное дело первым ворвалось в рынок. И познало на себе все, что с рынком связано. Поначало это была зона сверхприбылей — особенно в силу того, что были сняты всяческие табу, запреты. И тогда, на первых порах, было издано немало хороших книг — авторов, которые многие годы не издавались и на которых, понятно, был повышенный спрос.

Но книжное дело первым же и покинуло зону сверхприбылей! Нехватка денег у обнищавшего нашего покупателя ударила по книгоиздателям едва ли не больше всего. И пошла, впрочем, набирая темпы и не считаясь ни с чем, погоня за покупателем, что называется, любой ценой. Оборачивается она, безусловно, ужасающим падением вкусов.

И на каком фоне все это происходит? Закрываются школы, закрываются библиотеки, музеи, воспитателей не хватает, чтения не хватает. Престиж книги падает. Происходит в обществе смена ценностей!

— Я вам скажу: как только человек поставлен перед дилеммой — покупать ему книгу или кусок хлеба, знаете, что следует за этим? Он топит печку книгами. А потом уже может наступить такой момент, что он будет и в костер книги бросать. Так вот, мы сейчас на пути к растоплению печек книгами. А дальше — костер? Полное одичание?

— Скажите, но хоть что-то делается, чтобы спастись от такой мрачной перспективы?

— Ну вот хорошо, что Комитет по печати пробил закон, чтоб с НДС нас пощадил. Уже радость. Не знаю, кто еще для этого постарался. Может, Селезнев в Думе; наверное, но без его влияния это получилось. Во всяком случае, для нас, издателей, это — просвет, и мы должны быть за него благодарны. Не только мы — читатели в первую очередь, покупатели.

Первые в этом году (за все время!) наш детский журнал "Миша", не получавший от государства ни копейки, получил дотацию. Тоже отпадное событие. А то я смеялся: "Миша" — не только самый детский и самый популярный журнал, но и самый независимый...

Но опять проблема! Вот мы решили улучшить внешний вид этого массового журнала для детей — и с чем же столкнулись? Оказывается, наша бумага уже бывает дороже, чем бумага импортная. Почему? Одну причину я знаю точно: потому что иностранный капитал влез в наши бумагоделательные фабрики и в наши же полиграфические предприятия. От их во многом контролирует, он регулирует!

Отсюда — кто платит, тот и заказывает музыку. Слишком далеко, слишком глубоко подпустили и запустили иностранный капитал. Он уже многое нам диктует. А завтра и вовсе диктовать будет, что издавать, как издавать и т. д.

— Но вы-то в своем издательстве как держитесь? Не сбавляется слава?

— Все крайне сложно. Однако чести и достоинства, я считаю, пока не уронили. Свою, как нынче выражаются, нишу нашли в издании книг, полезных и нужных для людей. Например, "Кулинария", "Современное домоводство", "Детское питание", "Как сохранить и улучшить память", популярная в свое время книга Шредера "Русский огород", не переиздававшаяся много-много лет, — все это имеет спрос, расходуется. "Скорняжное дело" выдержало уже четыре издания! А на очереди у нас — "Стресс и депрессия. Как их избежать", "Логопедия", много правовой, экономической литературы, необходимой людям в нынешних условиях.

— Однако самое заветное из первоочередных наших планов — полный, 10-томный академический Николай Гумилев, которого мы начинаем издавать опять-таки совместно с Пушкинским домом, и 90-томный Лев Толстой. Капитальнейшие издания. Они как бы продолжат нашу генеральную линию, заданную полным Пушкиным.

Я безмерно счастлив и благодарен судьбе, что руководимому мною коллективу выпала эта миссия — дать отечественникам Пушкина в таком издании. Я говорю: Пушкин является нам всегда, когда он особенно нужен.

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Это лермонтовские строки. Так вот, я говорю, что Пушкин — это наша молитва, национальная молитва, возносимая во имя нашего спасения в нынешнюю смутную пору. Это наш зрячий посох и духовная опора в тяжелейшие для Отечества времена.

Беседу вел
Виктор КОЖЕМЯКО.

А. С. Пушкин. Рисунок Анатолия МИХАЙЛОВА (Москва).

Рисунки А. С. ПУШКИНА:

1. Фрагмент рисунка на обороте рукописи.
2. Автопортрет. Фрагмент автографа (конец октября 1823 г.).
3. Автограф рукописи поэмы "Кавказский пленник" (1821 г.).
4. Автопортрет из альбома Ел. Н. Ушаковой (конец сентября — начало октября 1829 г.).